

УДК 316.343

С. М. Елисеев

Университет при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Анализируется долгосрочное влияние демократических институтов на социально-экономическое и политическое развитие современного общества. Автор доказывает, что переход к демократии в XX в. ускорил не только темпы экономического развития, но и процессы социального расслоения общества. Несмотря на положительное влияние демократических институтов на экономическое развитие и политическую стабильность, демократия как форма политического господства неспособна решить проблему социального неравенства. История современной демократии свидетельствует о том, что она только в отдельных случаях снижает уровень социального неравенства, а в большинстве случаев повышает его.

Демократия, экономическое развитие, политическая стабильность, социальное неравенство

Вопросы социального неравенства по-прежнему находятся в центре научных дискуссий. В 2014 г. в Йокогаме прошел XVIII Всемирный конгресс Международной социологической ассоциации «Facing an Unequal World: Challenges for Global Sociology» («Обращаясь к неравному миру: вызовы глобальной социологии») [1]. Ключевой проблемой, вынесенной конгрессом на первый план, стало социальное неравенство, понимаемое как вызов глобальной социологии. В научном мире среди ученых можно встретить различные точки зрения на проблему неравенства.

Спустя два года в России прошел Всероссийский социологический конгресс, посвященный проблемам социального неравенства и социальной справедливости [2].

Интересно отметить следующий факт. Одни ученые утверждают, что экономический рост и технологические революции, конкуренция и демократические институты способствуют уменьшению социального неравенства как в мире, так и в отдельных странах. Другие доказывают, что неравенство по тем же причинам неуклонно растет, одновременно изменяя свои формы, а значит, и общество становится все более и более несправедливым. С одной стороны, вопреки всем надеждам, оказывающимся иллюзорными, мир не становится более справедливым. Скорее наоборот. С другой стороны, социологи отмечают рост социального неравенства и протестного движения по всему миру, усиление драматических, а часто и трагических разломов в социальных системах.

Дискуссии между учеными не носят исключительно академический характер. Они касаются ценностных основ современного общества, целей и методов его развития. Из истории общества известно, что все революции Нового времени в том или ином отношении были направлены против социального неравенства и привилегий. И спустя 200–300 лет после революций психологически сложно поверить в то, что социальное неравенство в мире не только не уменьшилось, но и существенно возросло.

В современной политике проблемы социального неравенства и борьбы с ним давно стали одной из популярных тем. Ни один политик, ни одна избирательная кампания в мире не обходят молчанием эту тему, поскольку вопросы о распределении богатства всегда носят острый социальный характер, касаются интересов всех социальных групп.

Известно, что социальное неравенство – специфическая форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей. Иными словами, под неравенством понимается неодинаковый доступ больших социальных групп людей (страт, слоев, сословий, каст, классов) к экономическим ресурсам, социальным благам и политической власти.

Отечественная традиция изучения социального неравенства сосредоточена преимущественно на выявлении и измерении определенных типов неравенства, обсуждении схем, переменных, подходов к эмпирическому измерению процессов и последствий стратифицированности общества, распределения индивидов между разными классами или стратами и практически не затрагивает основополагающий вопрос обусловленности существующего состояния социального неравенства институциональным устройством общества, взаимодействием определенным образом возникших и воспроизводимых социальных и политических институтов.

Данная статья посвящена исследованию влияния современной демократии на социальное неравенство и политическую стабильность.

Начать свой анализ мы хотим, остановившись на двух трендах, наличие связи между которыми на первый взгляд не представляется очевидным и обнаруживается только при более углубленном анализе. Первый тренд касается распространения демократии. Двадцатый век закончился знаменательным результатом – впервые в истории человечества большинство стран мира стали называть себя демократиями. Второй тренд касается развития социального неравенства. Ученые, прежде всего экономисты и социологи, открыли тенденцию увеличения темпов роста социального неравенства на глобальном, региональном и национальном уровнях. Возникает вопрос: существует ли между этими двумя историческими процессами какая-либо связь, и если да, то какая?

В работе мы хотим доказать, что демократия противоречиво воздействует на политическую стабильность и социальное неравенство. С одной стороны, она способствует экономическому развитию и политической стабильности, но одновременно не уменьшает, а в большинстве случаев увеличивает социальное неравенство как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Демократия: экономическое развитие и политическая стабильность. Споры о демократии ведутся уже не одно столетие. Уинстон Черчилль в середине прошлого века остроумно заметил: «Демократия – худшая форма правления до тех пор, пока вы не сравните ее с остальными». Следуя практическому совету Черчилля, ученые на протяжении многих десятилетий продолжают сравнивать демократию с другими современными формами правления, доказывая ее преимущества. Но как происходит сравнение, насколько оно корректно, какие страны исследователи выбирают для сравнения, по каким параметрам оно осуществляется, какие результаты получают – на эти важные вопросы стали обращать внимание только в последнее время. Значительно реже исследователи обращают внимание на влияние демократических институтов на глобальные социальные процессы, на те острые социальные проблемы, которые проявились под их влиянием за последние 80–100 лет.

В своем исследовании мы исходим из того, что переход к демократии не является универсальным решением всех проблем современного общества. Скорее, демократия сама есть проблема, которая исторически развертывается в современном социуме по мере роста числа государств, переходящих от авторитарных форм правления к демократическим [3, с. 153–154]. Мы считаем, что идея современной демократии возникла в Европе только в Новое время как альтернатива господствующим на протяжении тысячелетий монархическим и теократическим режимам. Реалистический анализ современной демократии требует переосмысления широко распространенного суждения о существовании непрерывной демократической традиции в западной культуре от древнегреческого полиса до либеральной демократии. В этом плане мы во многом разделяем точку зрения итальянского теоретика Д. Дзолы, утверждающего, что современная демократия «возникла даже вопреки собственной классической концепции, аристотелевской и платоновской, то есть как противоположность натуралистической модели политического города, говоря точнее, полиса, который занимал центральное место и в античной, и в средневековой политической философии» [4, с. 116].

По нашему мнению, тезис о существовании непрерывной демократической традиции в истории западной культуры представляет собой идеологическую конструкцию, призванную исторически обосновать закономерный (естественно-исторический) характер перехода от авторитарных форм правления к демократическим. Изобретение «демократической традиции» – составляющая процесса легитимации политического господства в современном обществе. Без этого компонента любые демократические революции и сам переход к демократии будут выглядеть как случайность, а следовательно, не имеют достаточных объективных оснований.

Неслучайно в период «третьей волны демократизации» в большинстве стран Центральной Европы наблюдалось такое явление, как «изобретение демократической традиции», обращение к опыту исторического прошлого с целью легитимации власти, внедрения в общественное сознание определенных ценностей и норм поведения, создания новой политической идентичности и мобилизации масс на поддержку нового политического режима [5, с. 127–142].

Но если исходить из того, что идея современной демократии возникла в Европе только в Новое время, то логично проанализировать реальное влияние демократических институтов на социально-экономическое развитие общества. Тем более что в современном обществе накопилось достаточно много острых проблем, ответственность за решение которых теперь несут в основном демократические режимы. Напомним, что в 1978 г. лишь 49 из 158 стран в мире (31 %) были демократиями, а к 2012 г. демократиями стали уже 117 из 195 стран (60 %) [6].

Остановимся на нескольких важных вопросах. Ведет ли демократия, когда она установлена, к уменьшению социального неравенства или, напротив, способствует его росту и в каких масштабах (национальных, региональных, глобальных)? Существует ли связь между распространением демократии во всем мире и ростом глобального неравенства? Угрожает ли рост социального неравенства современной демократии и политической стабильности?

В качестве точки отсчета мы выбрали тот период истории, когда демократическое правление было скорее исключением, чем правилом, когда недемократических режимов в мире было больше, чем демократических, и ученые (политологи, социологи, экономисты) искали теоретические аргументы, обосновывающие закономерности перехода от авторитарного правления к демократическому.

Истоки многих современных дискуссий о демократии, политической стабильности и социальном неравенстве берут начало в середине прошлого столетия. После завершения

Второй мировой войны США были единственной страной мира, которая за годы войны сумела не только избежать больших потерь, но и увеличить национальный доход в два раза. В первые послевоенные годы США оказались в положении абсолютного экономического лидера, оказывающего решающее влияние на развитие мирового хозяйства в целом.

Это обстоятельство во многом объясняет бурный рост оптимизма среди американских интеллектуалов, который нашел выражение в целом ряде экономических, социологических и политических теорий, оказавших значительное воздействие на формирование рамок научных дискуссий не одного поколения ученых и политиков. При всех различиях в американских теориях данного периода они имеют общую методологическую основу. В них утверждается решающая роль структурных предпосылок и условий революций и перехода к демократии. Структурные концепции видят главную предпосылку революций и перехода к демократии в поляризации общества, разделенного на привилегированные и угнетенные социальные группы, и в нарастающем конфликте групповых интересов [7, с. 568–569]. По сути, эти теории в явной или скрытой форме продолжали традиции К. Маркса. И неслучайно, что в качестве примера обычно приводят русские революции 1905 и 1917 гг., когда якобы чрезмерная экономическая дифференциация населения привела к революции. Хотя на самом деле в начале XX в. уровень материального неравенства в России был умеренным, а социальное неравенство в пореформенное время существенно снизилось вследствие трансформации сословий в классы и получения всеми гражданами одинаковых прав. В то же время во всех западных странах уровень материального неравенства был значительно выше, чем в России.

Если в России в начале XX столетия децильный коэффициент неравенства составлял примерно 6–6,5, то, например, в США при децильном коэффициенте неравенства около 16–18 и в Великобритании при коэффициенте около 20–40 не наблюдалось даже намека на революционную ситуацию [8, с. 125].

Как правило, данные взгляды основывались на критике экономической и политической теорий К. Маркса, включали в себя множество теоретических рассуждений вследствие отсутствия точных эмпирических данных, смелые, но не подтвержденные гипотезы и прогнозы относительно будущего развития капитализма и демократии.

Начнем с экономической теории С. Кузнеця. Согласно этой теории неравенство в доходах спонтанно уменьшается на поздних стадиях развития капитализма вне зависимости от проводимой политики и особенностей страны и затем стабилизируется на приемлемом уровне. Данная теория, предложенная в 1955 г., как нельзя лучше подходила для зачарованного мира эпохи Славного тридцатилетия: нужно просто терпеливо дожидаться, пока рост принесет выгоду всем [9]. Кузнец полагал, что по мере включения населения в современную экономику естественным образом, без политического вмешательства, будет уменьшаться социальное неравенство.

Этот оптимизм разделял экономист Р. Солоу, предложивший в 1956 г. анализ условий возникновения «пути равномерного роста», т. е. такой траектории роста, при которой все параметры – производство, доходы, прибыль, зарплаты, капитал, биржевые индексы, цены на недвижимость и т. д. – растут в одном темпе, благодаря чему все социальные группы извлекают равную выгоду из роста, и значительные расхождения отсутствуют [10]. Социолог С. Липсет написал в 1959 г. ставшую знаменитой работу «Некоторые социальные предпосылки демократии: экономическое развитие и социальная легитимность» [11], которая во многом определила теоретические рамки и исследовательские традиции изучения проблемы вплоть до наших дней.

Липсет стал первым среди ученых, теоретически обосновавших связь между уровнем социально-экономического развития той или иной страны и вероятностью ее перехода

к демократии: «Чем более богата нация, тем больше вероятность, что она поддержит демократию» [11, с. 75]. У Липсета мы также обнаруживаем тезис о «естественном» снижении неравенства в условиях демократии. Опираясь в значительной степени на труды К. Маркса, Липсет подчеркивал усиливающуюся роль среднего класса в модернизации общества, делая упор на социальные механизмы его развития. Равенство является центральной категорией как в социально-политическом, так и в экономическом отношениях: «Разрыв между доходами белых воротничков, синих воротничков и чернорабочих гораздо больше в бедных, чем в высокоразвитых странах» [12, с. 49].

Липсет был убежден, что демократия обязательно способствует уменьшению социального неравенства. Именно в условиях демократии создаются более справедливые механизмы перераспределения доходов, которые ведут к уменьшению социального неравенства. Напротив, в авторитарных системах неизбежен рост социального неравенства.

По его мнению, «общество, разделенное на огромную нищую народную массу и небольшую привилегированную элиту, неминуемо придет либо к олигархии <...> либо к тирании» [11, с. 75]. Следовательно, рост экономического и социального неравенства может влиять на политические предпочтения граждан. При условии достижения определенного уровня неравенства в народных массах быстрее формируется негативное отношение к олигархии или тирании и вызывают демократические предпочтения.

Это утверждение в той или иной форме постоянно воспроизводится уже на протяжении более 50 лет. «По мере развития стран, – пишут К. Боикс и С. Стоукс, – доходы распределяются более справедливо. Равенство доходов означает, что схема перераспределения, способная получить поддержку на демократических выборах, лишает богатых меньшего числа доходов, чем потребовал бы средний избиратель, если бы разрыв в доходах был бы чересчур большим. Поэтому богатые рассматривают демократическую налоговую систему как менее затратную для них: страна богатеет, и они с большей охотой содействуют демократизации» [13, с. 539–540].

И теория Кузнецца, и теория Липсета сразу стали мощным политическим оружием в борьбе за страны третьего мира. Первая теория обосновывала уменьшение социального неравенства после прохождения периода ранней индустриализации, а вторая предсказывала создание более справедливого механизма распределения в условиях демократии. На самом деле обе теории были сформулированы на базе во многом неверных предпосылок, и их эмпирические основания были крайне слабыми или неточными.

Так, сильное сокращение неравенства доходов, имевшее место во всех богатых странах в период с 1914 по 1945 г., на которое указывал Кузнец в качестве доказательства уменьшения неравенства, было прежде всего следствием роста общей политической нестабильности, проявившейся в двух мировых войнах, революциях, жестоких экономических и политических потрясениях, к которым они привели (особенно для обладателей крупных состояний), и вовсе не было связано с мирным процессом перетекания людских ресурсов из одной отрасли в другую. Но самое главное, сокращение социального неравенства в данный период носило временный характер.

Начиная с 1970-х гг. во всех развитых странах подобные явления прекращаются либо с разной интенсивностью происходит обратный процесс («великое расслоение»), в котором США достигли огромных «успехов» по сравнению с европейскими странами. Если в 1979 г. 1 % самых богатых домохозяйств США аккумулировал 7,5 % общего дохода, то в 1997 г. эта цифра выросла до 13,6 %. По величине децильного коэффициента, рассчитанного по данным

Люксембургского исследования доходов (Luxembourg Income Study), в течение 1990-х гг. США существенно опережали другие развитые страны, особенно Скандинавские (США – 5,6; Швеция – 2,6; Финляндия – 2,7; Норвегия – 2,8; Дания – 2,9) [14, с. 52].

В начале XXI в. в мире рекордными темпами нарастает социальное неравенство. Если в 2015 г. 62 богатейших человека владели тем же объемом богатства, что и 3,6 млрд наименее обеспеченных жителей планеты, то теперь речь идет о восьми богатейших людях. Изменение связано с появлением более точных данных по распределению богатства, в том числе в развивающихся странах. Несколько международных аналитических центров именно Россию называют самой неравной экономикой в мире, в которой почти всем богатством владеет буквально 1 % населения [15].

Мы придерживаемся той точки зрения, что экономический рост не всегда ведет к демократии. Демократия скорее поддерживает экономический рост, но было бы серьезной ошибкой считать, что одних экономических факторов достаточно, чтобы просчитать долговечность судьбы демократических и авторитарных режимов. Теоретически демократии должны быть менее стабильны, если: 1) изначально наличествует неравенство; 2) неравенство растет; 3) производственный труд получает все меньшую долю добавочной стоимости.

Современная практика опровергает или заставляет переосмыслить ряд теоретических гипотез, утвердившихся в социальных науках в 1950–1970-х гг.

Во-первых, не только социально-структурные факторы играют решающую роль в достижении политической стабильности и переходе от авторитарных режимов к демократическим. Во-вторых, не всегда демократические режимы более стабильны, чем авторитарные. Последние рушатся с большей вероятностью, когда неравенство в доходах высоко, что в особенности справедливо для экономически бедных стран. В-третьих, в краткосрочный период на этапе демократизации очень сильна вероятность падения экономического роста и увеличения социального расслоения общества. Да, демократические режимы, вероятно, в долгосрочной исторической перспективе способствуют экономическому росту, увеличению национального богатства и уменьшению социального неравенства, но в условиях демократии не всегда создаются более справедливые механизмы перераспределения доходов, которые ведут к уменьшению социального неравенства.

Исходя из исторического опыта распространения и развития демократии, можно утверждать, что она лучше других обеспечивает политическую стабильность внутри системы, но не всегда – за ее пределами. Политическая стабильность позитивно сказывается на экономическом росте: росте как производственного капитала, так и заработной платы.

Но рост социального неравенства не ведет автоматически к политической нестабильности. В качестве примера можно привести США. За более чем 200-летнюю историю в США не произошло существенных изменений в вопросе социального неравенства. Хотя наука не обладает достоверными данными об уровне социального неравенства в США в середине XIX в., но она точно знает, что сегодня его уровень – один из самых высоких среди всех развитых стран [16, с. 12], что, по мнению многих американских ученых, несет в себе угрозу демократии.

Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц пишет, что в Америке социальное неравенство не только не снижается, а, напротив, только растет: «Примерно три десятилетия назад один процент верхушки получал 12 % всего национального дохода – и даже этот показатель неравенства тогда был совершенно недопустим; однако с тех пор обозначенное несоответствие стало еще более драматичным. Так, к 2007 г. средний доход за вычетом налогов в среде одного процента верхушки составлял около 1,3 млн долларов, в то

время как для 20 % представителей низших слоев населения эта цифра не превышала 17 800 долларов. В неделю один процент верхушки зарабатывал на 40 % больше, чем пятая часть беднейших граждан за год, а ежедневный заработок богатейших, составляющих 0,1 %, оценивался вдвое больше того, что получали 90 % представителей беднейших слоев населения за год! Цифры свидетельствуют: 20 % самых богатых зарабатывают (после уплаты налогов) больше, чем остальные 80 % американцев» [17, с. 49].

Однако рост социального неравенства пока сильно не влияет на политическую стабильность американского общества, поскольку американская экономика является одной из самых развитых и мощных, что позволяет даже американцам, относящимся к группе бедных, иметь более высокие доходы, чем у средних слоев в Африке или Азии [16, с. 12–13]. В то же время средние слои американского общества уже на протяжении 10 лет были недовольны ростом социального неравенства и стремительным обогащением его верхних слоев. В этом нам видится одна из основных причин победы Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г.

Демократия: политическая стабильность и социальное неравенство. Остается открытым вопрос о том, как влияет политическая стабильность демократической системы на социальное неравенство. Теоретически схема перераспределения доходов в условиях демократии должна вести к снижению социального неравенства. Но так ли это на самом деле? Современная практика и данные глобальных исследований скорее опровергают, чем подтверждают теоретическую гипотезу.

В западной социологии и политической науке есть определенная социологическая гипотеза, претендующая на объяснение различий масштабов и уровней социального неравенства в странах «старой» демократии. Речь идет, в частности, о дизайне демократических институтов как факторе, связывающем электоральное поведение и масштаб социального неравенства [18].

Согласно гипотезе, тип избирательной системы существенно влияет на политику распределения и перераспределения, если контролируются другие факторы. В качестве примера эмпирической достоверности гипотезы обычно приводят Скандинавские страны. Однако среди исследователей нет единодушия, поскольку встречаются примеры эмпирического обоснования если не отсутствия достоверности, то явной слабости этой гипотезы [19].

Сегодня ясно одно: на протяжении XX и в начале XXI вв. социальное расслоение стало общей тенденцией для всех категорий стран. Эта тенденция характерна и для России.

Согласно только официальным данным Росстата, по состоянию на конец 2017 г. индекс Джини превышал отметку в 0,414, в то время как еще в 2000 г. значение индекса Джини составляло менее 0,395, в 1997 г. – 0,375, в 1995 г. – 0,387, в 1991 г. – 0,260, а в конце 1980-х гг. не поднималось выше 0,28 [20]. Другими словами, в России развиваются все те же тенденции, что в развитых странах: бедные беднеют, а богатые богатеют.

Интересно отметить следующий факт. Рост социального неравенства в России наблюдается одновременно с переходом к рыночной экономике и утверждением демократических институтов, т. е. в нашем обществе наблюдаются те же тенденции, которые западные ученые отмечают в своих странах.

В результате каких факторов продолжается рост социального неравенства? В этом вопросе наблюдается в основном единство мнений. Сформулируем несколько основных позиций. Во-первых, за счет перераспределения доходов между трудом и капиталом в пользу последнего богатство остается основным детерминантом неравенства во всех обществах, признающих право

частной собственности на экономически продуктивные ресурсы. К тому же, как доказывает современный французский экономист Т. Пикетти, богатство остается чрезвычайно концентрированным во всех обществах [21]. Почти во всех странах снижается доля оплаты труда в валовом национальном продукте, в то же время выросла доля других доходов (прибыль, рента, проценты); в рамках первичного распределения доходов между капиталом и трудом произошло перераспределение в пользу владельцев капитала.

Во-вторых, происходит уменьшение вмешательства государства в перераспределение доходов: государство в меньшей мере заботится о том, чтобы смягчить рыночное распределение доходов путем их последующего перераспределения через налоги и социальные выплаты. Так, объем перераспределения, осуществляемого государствами ОЭСР, в последние десятилетия снизился наполовину – прежде всего вследствие снижения налогообложения высоких доходов. Эта тенденция хронологически совпадает с усилением процессов глобализации и борьбы за глобальные рынки [22, с. 12–13]. В-третьих, как это ни кажется парадоксальным, политическая стабильность, связанная с распространением демократии в мире, оказывает существенное воздействие на рост социального неравенства. Демократии уменьшают риски войн и революций, поддерживают внутреннюю и международную стабильность и тем самым препятствуют разрушению материальных ценностей, способствуют экономическому развитию и относительному росту благосостояния.

В заключение можно сделать следующие выводы. Социальное неравенство само по себе не ведет к политической нестабильности. Пример тому – США. Социальное неравенство только при определенных условиях может стать одной из причин дестабилизации политического порядка.

Усиление социального неравенства выше обычного может служить объективной причиной создания и развития протестных или революционных движений, усиления политической нестабильности. Но политическая нестабильность сегодня определяется не столько объективным состоянием социального неравенства, сколько интересами отдельных групп, заинтересованных в дестабилизации. Эти группы могут иметь как институционально-государственную, так и институционально-корпоративную природу.

История становления и развития современной демократии позволяет сделать вывод о том, что она способствует экономическому развитию, но не уменьшает, а в большинстве случаев увеличивает социальное неравенство как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Сокращение неравенства, наблюдавшееся в развитых странах в 1900–1910-е и 1950–1960-е гг., было прежде всего результатом войн и той политики, которую начали проводить государства по их окончании. Точно так же усиление неравенства, вновь начавшееся в 1970–1980-е гг., было во многом предопределено политическими переменами последних десятилетий, особенно в налоговой и финансовой сферах. История неравенства зависит от представлений экономических, политических и социальных агентов о том, что справедливо, а что нет, от взаимоотношений между этими агентами и от коллективного выбора, который из этого проистекает; она складывается из того, что делают все заинтересованные агенты.

Социальное неравенство уменьшается в период войн и революций, поскольку: а) разрушаются материальные ценности; б) падает стоимость недвижимости; в) падает доходность капитала; г) снижается заработная плата.

Следовательно, между политической стабильностью и социальным неравенством наблюдается прямая связь. Социальное неравенство растет в период политической стабильности, в периоды отсутствия войн и революций. Но такие периоды в рамках совре-

менной политики не могут быть бесконечными. Социальное неравенство растет на всех уровнях: корпоративном, национальном, региональном и глобальном.

В настоящее время все отчетливее проявляется связь между распространением демократии во всем мире и ростом социального неравенства на национальном (региональном) и глобальном уровнях. Переходы к демократии в XX в. ускорили не только темпы экономического развития, но и процессы социального расслоения общества. Произошел закономерный рост социального неравенства, ответом на который в некоторых обществах стали усиление роли государства в перераспределении доходов, усиление политики, направленной на снижение социального неравенства до социально оправданного уровня. Но этих мер недостаточно. Они носят локальный характер. Появляется необходимость координации действий большинства государств в борьбе с ускорением темпов роста социального неравенства. Но здесь возникает новая проблема. Современные формы демократии на практике все чаще защищают интересы транснациональных корпораций и финансово-промышленного капитала. Поэтому мы прогнозируем рост рисков политической дестабилизации не только в новых, но и в «старых» демократиях. А значит, и во всем глобальном мире.

Пока демократические системы еще сохраняют стабильность и способны маневрировать в новой социальной реальности, лавировать между тенденциями роста социального неравенства и политической нестабильности. Но дилемма все отчетливее проявляет себя: либо снижение социального неравенства и сохранение политической стабильности, либо рост социального неравенства и неизбежность новых войн и революций. Какой исторический выбор будет сделан, покажут уже ближайшие десятилетия. Повлиять на этот выбор может и наука. Необходимо новые социальные исследования, верифицирующие комплекс теоретических предположений и гипотез относительно влияния демократии на социальные процессы в современном обществе. Настало время переосмыслить современные теории демократии, очистить их от утопических взглядов и представлений, избавиться от иллюзии, что переход к демократии решит большинство социальных проблем, включая проблему социального неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology // Papers of Russian Sociologists for the XVIII ISA World Congress of Sociology Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology. 13–19 July 2014, Yokohama, Japan. Moscow–Yokohama, 2014.
2. Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость // Материалы V Всерос. социол. конгресса. Екатеринбург, 19–21 окт. 2016 г. / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Рос. общ-во социологов, 2016.
3. Елисеев С. М. Демократия как проблема общества позднего модерна // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. Вып. 4. С. 153–160.
4. Дзола Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2010.
5. Елисеев С. М. Легитимность власти. Концепции и проблемы развития в посткоммунистическом обществе. СПб.: Полиграфстройсервис, 1996.
6. Сканинг С.-Э., Меллер Й. Третья волна демократизации: что стоит за цифрами. URL: <http://gefter.ru/archive/12674> (дата обращения: 17.02.2018).
7. Штомпка М. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
8. Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия (статья вторая) // Социс. 2014. № 11. С. 121–129.
9. Kuznets S. Economic growth and income inequality // The American Economic Rev. 1955. Vol. 45, № 1. P. 1–28.

-
10. Solow R. A contribution to the theory of economic growth // Quarterly J. of Economics. 1956. Vol. 70, № 1. P. 65–94.
 11. Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Rev. 1959. Vol. 53. P. 69–105.
 12. Lipset S. M. Political Man. The Social Bases of Politics. New York: Doubleday, 1960.
 13. Voix C., Stokes S. Endogenous Democratization // World Politics. 2003. Vol. 55, № 4. P. 517–549.
 14. Jencks C. Does inequality matter? URL: <http://www.amacad.org/publications/winter2002/jencks.pdf> (дата обращения: 24.02.2018).
 15. Башкатова А. Россия признана страной неравных возможностей // Независимая газета. 2017. 17 янв. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-01-17/1_6904_unequal.html (дата обращения: 19.02.2018).
 16. Миланович Б. Глобальное неравенство в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
 17. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: ЭКСМО, 2015.
 18. Оксимитная С. Институциональная среда воспроизводства социального неравенства // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 4–28.
 19. Kenworthy L., McCall L. Inequality, public opinion and redistribution // SocioEconomic Rev. 2008. № 6. P. 35–68.
 20. Россия в цифрах: краткий статистический сб. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2017.
 21. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
 22. Бузгалина А., Трауб-Мерца Р., Воейкова М. Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса. М.: Культурная революция, 2014.

S. M. Eliseev

University associated with IA EAEC

DEMOCRACY AND SOCIAL INEQUALITY

The article analyzes the long-term impact of democratic institutions on socio-economic and political development of modern society. The author proves that the transitions to democracy in the twentieth century accelerated not only the pace of economic development, but also the processes of social polarization in society. Despite the positive impact of democratic institutions on economic development and political stability, democracy as a form of political rule cannot solve the problem of social inequality. The history of modern democracy shows that it reduces inequality levels only in certain cases, and in most cases social inequality increases both at the national and global levels.

Democracy, economic development, political stability, social inequality
